

Пролог

.....

От: Клэр Донован

Получено: 9:17

Кому: Саванне Кейд

Тема: Рукопись?

Саванна, ты продвинулась в работе над книгой,
о которой рассказывала мне в прошлом
году на конференции? Я только что была
на совещании и вспомнила о ней.
Хотелось бы посмотреть.

С наилучшими пожеланиями,
Клэр Донован,
главный редактор направления романтической прозы
«Бэйрд Букс Пабблишинг»

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:21

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая миссис Донован

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:22

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая Клэр Донован

.....

Черновик

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:24

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

| Дорогая Клэр, большое спасибо за письмо!

| Извините, пожалуйста, что не написала сразу после

конференции, как обещала. Клянусь, я не из тех начинающих писателей, которые на конференциях выкладывают все подробности своего замысла каждому встречному, а когда редактор просит показать рукопись, им нечего отправить. Честное слово.

Просто после нашего разговора я поняла, что финальной сцене не хватает эффектного завершения, а моя героиня, Сесилия, не очень-то к себе располагает, и, когда я наконец исправила эти проблемы, рукопись получилась на двенадцать тысяч слов больше, чем положено. Весь следующий месяц я промучилась, решая, что сократить.

(Знаете, слова Кинга о том, что нужно «убить своих любимых», оказались чистой правдой — я два года без зазрения совести требовала от авторов, чтобы они кромсали свои рукописи, но никогда не понимала, насколько это ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕ для писателя. Я полностью избавилась от одного персонажа и до сих пор его оплакиваю.)

Но я уже редактирую текст, и мне нужно прочесть его еще буквально пару раз. Простите, пожалуйста, что заставила вас ждать. Я обязательно пришлю вам рукопись максимум через две недели три недели месяц

.....

Доставлено

От: Саванна Кейд

Сохранено: 9:26

Кому: Клэр Донован

Тема: Re: Рукопись?

Дорогая Клэр, спасибо, что вспомнили про меня.

Планирую отправить вам рукопись до конца дня.

С самыми теплыми пожеланиями,

Саванна Кейд,

младший редактор «Пеннингтон Пен»

Глава 1

Стараясь не издавать ни звука, я в чрезвычайно неудобных туфлях на каблуках меряю шагами крошечное пространство в дальнем углу набитой битком переговорной между моим снисходительно посторонившимся коллегой, Клайвом, и ордой скоп, стеклянными глазами уставившихся на меня со старых обоев. Я хмурюсь на жутких трафаретных птиц, как и всегда, когда меня вызывают в переговорную «Магнолия». Миз¹ Пеннингтон делает паузу, я чувствую, что должна кивнуть вместе с остальными, и смотрю на часы. Всего три тысячи шестьсот шагов, а уже почти полдень. Резко развернувшись на тонкой шпильке, делаю более короткий и быстрый шаг по плотному красному ковру, вычеркиваю три слова в конце абзаца. Это преимущество работы редактором в издательстве более винтажном, чем комбинезоны в стиле восьмидесятых,

¹ Нейтральное обращение к женщине, используемое, когда ее семейное положение неизвестно или не имеет значения. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

которые снова входят в моду среди подростков. Здешние редакторы ходят с ручкой за ухом, постоянно таскают с собой толстые пачки бумаг и в последнюю минуту с изможденным видом вносят правки в рукописи.

Более того, в «Пеннингтоне» вы будете выглядеть подозрительно, если *не* принесете как минимум одну рукопись на те шесть совещаний, которые посетите в течение дня. Поэтому никто из собравшихся не обращает внимания на то, что я перелистываю страницы.

К тому же я ростом всего полтора метра. А один из плюсов невысокого роста в издательстве, переговорная которого — переделанная гостиная старого викторианского особняка, где половине сотрудников приходится стоять, — тот факт, что я могу спокойно выполнять сразу несколько задач у них за спинами и никто этого не заметит.

И я правда пытаюсь работать в многозадачном режиме. По крайней мере в хорошие дни, когда чувствую редкий прилив мотивации или когда моя сестра давит на меня, пока я не поддамся. Ведь я Кейд. А именно Саванна Кейд. А Кейды — порода, которую отличают неиссякаемая энергия, выдающийся энтузиазм и чуточка безумия. Нам легко удастся превзойти ожидания других людей.

Пусть даже у меня... это получается не так легко.

— «Пеннингтон Паблишинг» более пятидесяти лет является краеугольным камнем рынка нон-фикшн и интеллектуальной прозы, — вцепившись в кафедру, говорит миз Пеннингтон, директор издательства. Ее глаза сверкают под стать лампочкам

в виде свечей на антикварной медной люстре в центре комнаты. — И почему? Потому что «Пеннингтон» не прогибается под давлением. Потому что «Пеннингтон» не отказывается от своих высоких стандартов ради того, чтобы набить карманы долларами. Мы в «Пеннингтоне» верим, что книги, которые мы выпускаем, — инструмент развития и совершенствования для наших читателей и для культуры в целом. В отличие от других издательств, спешащих поставить супермаркетам¹... — она сморщила нос, будто ей было трудно произнести эти слова, — ...коммерческую прозу, «Пеннингтон» неустанно выпускает только тщательно отобранные и проверенные рукописи, достойные печати. Только тщательно отобранные и проверенные рукописи, которые, по нашему мнению, необходимы этому миру.

Вычеркивая еще одно слово, я вскидываю бровь.

Мысль хорошая, но не уверена, что весь мир нуждается в недавно отредактированной мной книге «Невероятный мир слов. Гид эпистемофила».

— Вот почему, несмотря на череду прошлогодних кризисов, в нынешнем году «Пеннингтон Паблишинг» останется флагманом, на который будут ориентироваться читатели и книготорговцы. И по этой причине я хочу, чтобы вы тепло поприветствовали нового члена нашей команды.

Дрогнувшей рукой я подчеркиваю слово в распечатке и поднимаю голову. Новый член команды?

¹ В США, наряду с продуктами и бытовыми товарами, в супермаркетах продаются и книги.

Заглянув в просвет между чьими-то локтями, я вижу миз Пеннингтон, которая держится за кафедру сильными руками и смотрит на подчиненных сверху вниз. Она прищуливает ярко-голубые глаза, будто читая наши мысли. «Скажите что-нибудь. Только посмейте».

Наконец по переговорной прокатываются аплодисменты.

Дело в том, что последние несколько лет дались «Пеннингтон Пабблишинг» нелегко. Да и многим малым издательствам, которые еще не поглотила большая пятерка¹, — тоже. Несмотря на нашу былую славу (о которой миз Пеннингтон с удовольствием напоминает всем при любом удобном случае), мы не можем тягаться со стабильными показателями более крупных и отлаженных механизмов. «Пеннингтон» — это яхта. Красивое судно «Пен Дьюик», чей владелец горделиво проводит рукой по корпусу из розового, красного, тикового или другого экзотического дерева, наблюдая за тем, как у него над головой от морского бриза развевается белый парус. Мастерское исполнение. Никаких аналогов.

И все же это лишь подпрыгивающая на волнах точка по сравнению с идущим напролом океанским лайнером.

Вот почему все в этой приторно-зеленой комнате со скопами на стенах хлопают, как послушные пингвины в цирковом шоу. Вот почему в присутствии миз Пеннингтон Терри из бухгалтерии каждые пять секунд приглаживает свой галс-

¹ Крупнейшие издательства, контролирующие львиную долю книжного рынка США: *Penguin Random House, Hachette, HarperCollins, Macmillan* и *Simon & Schuster*.

тук с фразой «Вот и она!»¹, отсылающей к «Моби Дику»². Вот почему Лайла убирает эйрподы под стол всякий раз, когда мы слышим нетерпеливое постукивание ногтей миз Пеннингтон по двери соседней комнаты в ходе одного из ее спонтанных «визитов». Вот почему я ношу в сумочке пластыри, мучаясь в этих дьявольских, то есть «профессиональных» на вид, туфлях.

Потому что остались только мы — выжившие после великого кровопролития в «Пеннингтоне».

— Я осознаю, что за минувший календарный год мы потеряли несколько преданных сотрудников. Сокращение штата на двадцать девять процентов — это... — Длинные узкие ноздри миз Пеннингтон слегка раздуваются, и она разбивает слово на слоги: — ...Об-ре-ме-ни-тель-но. Нам всем пришлось взять на себя дополнительные обязанности. — Она повышает голос и поднимает палец. — Но именно благодаря этому мы снова вернемся на вершину под экспертным руководством мистера Пеннингтона.

Стоп.

Мистера Пеннингтона? То есть...

— Благодаря этому человеку, который десять лет проработал в одном из самых успешных издательств мира, — продолжает она, — у нас появятся свежие идеи и новые перспективы. —

¹ Традиционный клич китобоев, оповещающий о струе, которую кит выпускает из дыхания.

² Роман Германа Мелвилла о капитане Ахаве, одержимом мессией гигантскому киту и убийце китобоев Моби Дику.

Ее взгляд становится ледяным. — Он будет помогать нам выдергивать сорняки, чтобы в будущем мы расцвели. Мистер Пеннингтон, мы рады приветствовать вас в качестве заместителя директора и издателя нашего самого уважаемого импринта, «Пеннингтон Пен».

На мгновение мы все пораженно замолкаем, сидящие в первых рядах оборачиваются, а столпившиеся позади вытягивают шеи, чтобы рассмотреть мужчину, который только что сливался с толпой, а теперь выпрямился в полный рост. Позабыв о ручке, я провожу ею по бумаге, оставляя длинную черную линию.

— С-с-с-супер.

Лайла, которая сидит на широком подоконнике передо мной, закатывает глаза. На веках у нее сверкают вчерашние тени металл.

Что характерно для многих жителей Нэшвилла, длинные светлые волосы Лайлы составляют половину ее веса, круг друзей, которые знают ее настоящее имя, с каждым годом уменьшается, и по-настоящему она оживает, как Щелкунчик, когда на часах уже ночь. Только вместо того, чтобы сражаться с крысами и водить детей по причудливой сказочной стране, она обычно сидит где-нибудь на заляпанном пивом барном стуле в центре города и надрывно поет. Лайл в Нэшвилле столько же, сколько в Нью-Йорке худых двадцатилетних официанток — вагон и маленькая тележка. Они до самого конца не теряют наивную надежду на то, что нынешняя работа, которая позволяет им покупать еду и одежду, — лишь короткая остановка на пути к свободе. И, хотя по глазам миз Пеннингтон

примерно на каждом совещании видно, как она борется с желанием вышвырнуть Лайлу с ее ноутбуком на улицу, ее обложки и идеи в области цифрового маркетинга не имеют себе равных. Серьезно. Не имеют равных. Она буквально работает на двух должностях одновременно.

— Ну, теперь хотя бы можно сказать Гарри, что дело было не в его конфликте с миз Пеннингтон из-за пробных оттисков, — бормочет Лайла достаточно громко, и несколько человек, сидящих рядом, оборачиваются. — Это всего лишь классический блат.

— Тс-с, — шипит Джина Бэнкс (шесть лет в редакции «Пеннингтон Трофи») и снова отворачивается.

Месяц назад Гарри, старый добрый Гарри, который последние двадцать два года каждый день носил на работу одинаковые сэндвичи с салатом и яйцом, получил Письмо. Никому не хочется получить Письмо. Меньше всего на свете сотрудник «Пеннингтона» хочет увидеть адресованный ему имейл, в теме которого значится: «НУЖНО ПОГОВОРИТЬ».

Я упираюсь в стену и поворачиваю обратно, и апатичный взгляд Лайлы, говорящий: «Ненавижу эти совещания», — останавливается на моей рукописи. Ее лицо тут же проясняется. Она приподнимает идеально выгнутую бровь.

— Это?..

— Я пообещала, что сдам ее сегодня, — отвечаю я.

— Да, но... здесь?

Так вот каково это — когда в ответ на *мои* действия удивленно вскидывают брови.

Всю жизнь у нас было наоборот: я следовала правилам и не нарушала границ, а Лайла любила свободу. В седьмом классе она умудрилась принести в школу свой личный дневник — ярко-розовая обложка и сердечки снаружи, секреты внутри — и на обеде бесстрашно держала его открытым, из-за чего у меня случилась паническая атака. А во время недели духа школы¹ она вместе со старшеклассниками заполнила кабинет директора Питерсона дорожными конусами, пока я стояла на стреме со стучащими коленками.

— Я должна отправить ее сегодня, — быстро повторяю я. — Мне нужно всего несколько минут, чтобы внести последние правки.

Боковым зрением я вижу, как к кафедре подходит мужчина и миз Пеннингтон пожимает ему руку.

Будто они никогда не виделись.

Будто перед ней стоит не тот единственный человек, который получил половину ее хромосом.

Я подавляю ухмылку и продолжаю мерить переговорную шагами.

Просто все знают, что три месяца назад сына миз Пеннингтон уволили из «Стерлинг Хауса». Все напряглись в тот день, когда получили рассылку «Паб Ньюз». В ней сообщалось не только сотрудникам «Пеннингтона», но и каждому авторитет-

¹ Американская традиция, которая заключается в том, что школьники каждый день одеваются в какой-либо новой тематике (например, в цвета школы). Обычно эта неделя проводится перед встречами выпускников в конце сентября — начале октября.

ному издателю, литературному агенту, киноагенту и всем имеющим отношение к книжной индустрии, вплоть до подающего надежды автора, стучащего по клавиатуре в каком-нибудь подвале, что новый шеф-редактор «Стерлинг Хауса» — Джим Эрроувуд. Любимый сын миз Пеннингтон не просто был отправлен в неоплачиваемый отпуск во время пандемии 2020-го. Его заменили.

Сына Червонной Дамы вышвырнули из Нью-Йорка, и он снова оказался здесь, в Нэшвилле.

И теперь миз Пеннингтон пыталась поправить его положение.

— Спасибо. — Уильям Пеннингтон берет за края кафедры в точности так же, как его мать. У него такая же идеальная осанка, как будто им обоим привязали палку к спине. Стоя рядом в своих безупречных серых костюмах, элегантных, умопомрачительно скучных и недоступно дорогих для большинства присутствующих, они похожи на пару пингвинов. Он обводит помещение внимательным взглядом эффектных голубых глаз — таких же, как у матери. И, в точности как она, хмурится.

Он смотрит на нас как на малолетних преступников, которые пытаются выпрыгнуть из автобуса, не заплатив.

— Я Уильям Пеннингтон. Некоторые из вас, возможно, помнят меня еще ребенком.

— Малыш Уилли! — Сидящий впереди старый Берни Питерсон (тридцать четыре года в «Пеннингтон Трофи») машет ему, и Уильям коротко кивает, не улыбнувшись.

— Не буду вас надолго задерживать. Сейчас авторы уже едут к нам на конференцию, и мы все знаем, как важно максимально к этому подготовиться. Думаю, что никто не хочет повторить опыт двухлетней давности.

Я застываю.

Отлично. Просто отли-и-и-чно.

У меня сердце уходит в пятки, как и всякий раз, когда кто-то упоминает мою первую конференцию-выставку библиотечной ассоциации, сокращенно — КБА. Я поднимаю рукопись повыше, чтобы ни с кем не встречаться взглядом.

В общем, я допустила небольшую, совершенно безобидную ошибку — потеряла четыреста книг и целый набор промоматериалов автора, который прилетел на автограф-сессию с другого конца страны. Ему пришлось ставить свою подпись на кусочках бумаги для скрапбукинга, закладках, предназначенных для промо других авторов, а в один чрезвычайно неловкий момент — даже на внушительном мужском бицепсе.

На таких крупных мероприятиях нужно о многом помнить. А это нелегко, если ты проработала в компании всего две недели, ясно?

Четыре тысячи двести шагов.

Возможно, миз Пеннингтон не называла имен, убеждая себя я, отрывая взгляд от часов и переворачивая страницу. Возможно, Уильяму рассказали эту историю как бы между прочим: «Да, одна наша сотрудница, которая вообще-то оказалась весьма смышленной и незаменимой в эти трудные вре-

мена, тогда только вышла на работу и, к сожалению, не успела пройти должную подготовку, поэтому бедняжке пришлось...»

Продолжая шагать и слушая вполуха, я ищу опечатки и вопиющие ошибки. Их нет, всего несколько замечаний на десяток страниц, что лишь подогревает во мне желание убежать в свой кабинет и сейчас же отослать рукопись.

Миз Пеннингтон же не уволит меня за то, что я отойду в туалет? То есть да, технически Донна получила Письмо спустя два дня после того, как убежала в туалет из-за отравления. Но это было совпадение. Так ведь? Это наверняка было совпадение.

И сколько раз я уже редактировала свою рукопись? Двадцать пять? Пятьдесят? Сто? В любом случае у меня ощущение, что тысячу.

А если появляется такое ощущение, как я неоднократно говорила своим авторам, это означает, что рукопись готова. Наконец-то готова. Это момент истины.

Ну, ощущение или наступивший дедлайн. Смотря что произойдет раньше.

— Так что давайте постараемся не ударить в грязь лицом, — говорит Уильям Пеннингтон, когда я выполняю разворот на каблуках. Он провел меньше двадцати минут в этой должности, а уже ведет себя как точная копия своей матери: бубнит о мизерных бюджетах и о том, что намерен «сокращать» нас при малейшей ошибке.

Лизнув указательный палец, я перекидываю страницу через зажим для бумаг. Он не обычный. Из четырнадцатикаратного антикварного розового золота отлита замысловатая фигурка

воробья. Этот огромный зажим мама подарила мне по случаю первого дня на «настоящей работе». Она сама в течение двадцати лет, пока была заведующей кафедры в университете Белмонт, скрепляла им самые перспективные статьи и проекты. Ей зажим достался от моей бабушки, которая была первой женщиной-хирургом в штате и боролась с неравенством в сфере здравоохранения. А бабушке — от ее матери, которая (я до сих пор плохо знаю детали) в той или иной степени поспособствовала окончанию войны.

Ну, знаете, типичные поступки Кейдов.

И хотя я не разбиваю стеклянные потолки¹, как мои предшественницы, из уважения к наследию этого зажима я скрепляю им только самые перспективные рукописи.

И теперь его золотые крылья крепко сжимают листы, на которых распечатана моя собственная книга.

— Сегодня важный вечер, — продолжает Пеннингтон.

Я переворачиваю еще одну страницу. Я почти добралась до конца истории, и мое сердце начинает колотиться в том же ритме, в котором я хожу по переговорной.

— Те восемь авторов, которые посетят конференцию в выходные, приносят нам сорок шесть процентов от общих продаж. Потерять их доверие означает потенциально лишиться одного из четырех импринтов. Они нужны нам. Но сейчас авторы «Пеннингтона» испытывают беспокойство. Как и боль-

¹ Невидимый барьер, препятствующий продвижению той или иной группы людей в какой-либо иерархии. Чаще всего этот термин применяется по отношению к женщинам.

шинство авторов. Обстановка напряженная. Конкуренция в издательском мире высока как никогда. Все сомневаются в стабильности своей работы.

— Кому как не ему об этом знать, правда? — бормочет Лайла.

— Все хотят иметь твердую почву под ногами. Так что, оказавшись здесь, они будут пытаться понять, в каком состоянии находится «Пеннингтон Паблишинг». И мы просто обязаны развеять их тревоги. — Уильям Пеннингтон окидывает присутствующих взглядом. — Обязаны. Так что, маркетологи, позаботьтесь о том, чтобы выкладки были идеальными. Ассистенты, проследите за тем, чтобы авторы ни в чем не нуждались. И, редакторы, на этих выходных сделайте все, что потребуется, чтобы они остались довольны. Все. Что. Потребуется. Если автор пожелает потратить двести долларов на ужин в «Стейк-хаусе Флеминга», пользуйтесь карточкой компании так, будто мы печатаем деньги. Если автор захочет встретиться с вами в пять утра в субботу и целый день обсуждать свой следующий проект, в полпятого вы должны ждать его в лобби отеля с двумя стаканами кофе. Мне все равно, что вы будете делать, главное, чтобы после этих выходных, сидя в самолете, авторы вспоминали «Пеннингтон Паблишинг» как самое преданное, заинтересованное и стабильное издательство, которое выкладывается на сто десять процентов и делает все, чтобы их книги продавались лучше любых других на рынке. Я хочу, чтобы этот визит они могли описать лишь одним словом — совершен...

Я дохожу до стены и разворачиваюсь, как вдруг слышу странный звук у себя под ногами.

Он похож на скрип целлофана.

«Не может быть», — думаю я и опускаю взгляд. В конце концов, откуда здесь взяться целлофану? Кто стал бы приносить его в переговорную? И с какой стати ему оказаться у меня под ногами?

Но как только до меня доходит, в чем дело, я чувствую вспышку боли в лодыжке. Слышу хруст костей, которые трутся друг о друга так, как анатомически не должны.

Я смотрю вниз и вижу, как моя нога подгибается, будто в замедленной съемке, а тонкий черный каблук заваливается на плюшевый красный ковер. Я выбрасываю левую ногу вперед, пытаюсь обрести равновесие, но из-за этого лишь наступаю на пятку Йосси, стоящего передо мной, а затем и вторая лодыжка подворачивается.

Подвернув обе лодыжки, я падаю вперед, по бокам от меня поднимаются со стульев люди, ко мне навстречу летит ковер — гигантский красный омут. Я выставляю руки перед собой за секунду до того, как мое тело беспорядочной массой валится на пол.

Ковер обжигает мне щеку, предплечья, голени. Я смутно слышу, как моя ручка приземляется и с щелчком отскакивает от ковра в нескольких сантиметрах от моего лица. И, к своему ужасу, ощущаю холодок там, где задралась моя юбка, выставив напоказ неудачное нижнее белье, которое я надела с утра. Разумеется, это не могло произойти в две тысячи девятнадцатом, когда я делала депиляцию зоны бикини. Разумеется, это должно было случиться именно тогда, когда

я почти оставила параноидальные мысли о том, что однажды попаду в такую ситуацию. Когда я решила, что никому никогда не понадобится разрезать мою одежду после аварии. Что в моем доме посреди ночи не раздастся пожарная сигнализация и мне не придется болтать с соседями на улице в своих старушечьих трусах.

И у меня уж точно не было повода опасаться, что я подверну ногу во время совещания и впечатаясь лицом в ковер с задранной юбкой.

Однако именно это и произошло.

Возможно, лучший выход сейчас — притвориться мертвой.

Да, хорошая идея. В конце концов, опоссумы так делают, и им помогает. Это биологический метод выживания. Врожденный. Не пустой звук. К тому же никто не смеется над людьми, которые падают в обморок. Это дает им право на поблажку. За спиной можно сколько угодно дразнить человека, который упал ничком, но попробуйте сделать так в относительно серьезной ситуации — и ваше поведение сочтут ужасно бестактным.

Значит, решено. Я притворюсь опоссумом.

Я уже решила устроиться на ковре поудобнее, как вдруг до меня донесся другой звук. Гораздо, гораздо более чудовищный. Будто шелест крыльев сотни голубей у меня над головой.

О нет.

Нет, нет, нет, нет, нет.

Я открываю глаза и вижу, как по воздуху летят все двести тридцать четыре страницы моей рукописи, которые вырвались из золотой хватки зажима, связывавшего их крылья.

Все мысли о предыдущем позоре рассеиваются, я вскакиваю на колени и начинаю хватать парящие вокруг меня листы. Слышу, как в отдалении Уильям Пеннингтон продолжает свою речь, наклоняюсь между ботинок одного из мужчин и крепко хватаю лежащие там страницы. Боковым зрением вижу, что Лайла поднимает те, которые упали к ее ногам.

Именно в этот момент...

У меня начинают пылать щеки, и я вижу, как сотрудники округ наклоняются и поднимают листы с пола.

— Спасибо, — говорю я, вставая и забирая страницы у них из рук. — Отлично. Спасибо. Простите. Благодарю, Марта. Спасибо.

Будто жадный дракон, охраняющий сокровище, я как можно быстрее сметаю отовсюду бумагу и, как только кто-то из коллег наклоняется, чтобы поднять лист, меняю направление, чтобы выхватить его.

Я осматриваю помещение.

Половина листов в целости и сохранности.

Проходит полминуты.

Больше половины.

Еще двадцать секунд.

Восемьдесят процентов.

Теперь я бросаю листы Лайле, которая запихивает их в свою гигантскую кожаную сумку. С грустью смотрю на помятые уголки, но расправлять их у меня нет времени. Потом странички будет очень трудно разложить по порядку, но сейчас главное не это.

Я вижу пять улетевших листов и бросаюсь к ним.

В конце туннеля начинает брезжить свет. Я дышу свободнее.

Три страницы.

Две.

Одна.

Я отдаю последний лист Лайле.

Всё. Лайла благополучно запихнула всю мою рукопись к себе в сумку. Готово.

Наконец сажусь на корточки и выдыхаю, как мне кажется, впервые за долгие годы.

Получилось. Я едва не совершила величайшую ошибку в своей карьере, но избежала ее. От облегчения меня так и подмывает истерически хохотнуть.

Вот только...

Краем сознания я замечаю, что в помещении воцарилась тишина. Мне будто постучали по плечу и сказали: «Эй, теперь, когда ты разобралась с этим, оглянись».

Так я и делаю. Поднимаю взгляд и вижу, что на меня все смотрят. Вспоминаю конфуз с юбкой. Ощущаю желание притвориться, что событий последней минуты не было.

— Спасибо всем. — Я упираюсь руками в ковер, глубоко погружая пальцы в ворс, отталкиваюсь от него и встаю.

Взгляд Жуткого Рема (четыре года в «Пеннингтон Скрайб») не отрывается от моей юбки, я хмурюсь и одергиваю ее.

— Сав! — шипит Лайла.

Она указывает мне за плечо. Ее широко распахнутые голубые глаза, в которых застыл ужас, смотрят в одну точку. Я резко оборачиваюсь и слежу за направлением ее пальца.

В трех метрах от меня в центре прохода лежит лист бумаги, и шесть человек впиаются в него взглядом, будто стервятники, перед тем как спикировать на жертву.

Я быстро поднимаюсь.

— Извините, — говорю я, хлопая коллег по плечам и спешно пробираясь сквозь толпу. Мои ноги с каждым шагом все больше превращаются в мягкие макароны. Ряд забит. Везде люди. Люди, чехлы с ноутбуками, сумки, книги и...

Я перепрыгиваю через очередную термозонку, отбиваюсь от последнего компьютерного чехла, который пытается зацепиться за мои каблуки, и оказываюсь в проходе.

Наконец-то свобода.

Я останавливаюсь.

И застываю.

Потому что передо мной стоит сам Уильям Пеннингтон.

Вблизи он даже выше: его подбородок минимум сантиметров на тридцать возвышается над моей головой. Могу поспорить, он старше меня всего на несколько лет, судя по небольшой, хоть и, должна признать, не совсем несимпатичной морщине на гладком лбу. Морщина-малышка, которая как бы говорит: «Я уже не в том возрасте, чтобы повести тебя на первое свидание в «Соник»¹, но все еще не ложусь спать раньше десяти». Он зрелый — в том смысле, что рядом с каким-нибудь студентом смотрелся бы гораздо солиднее, но не настолько, чтобы проигрывать ему в привлекательности.

¹ Американская франшиза придорожных фастфуд-кафе.

Его глаза еще более голубые вблизи, пронзительные и чистые, как лед на замерзших озерах Мичигана. Радужки будто покрыты кристаллами, как ледник, в котором заперты пузырьки воздуха: они образуются по мере превращения снега в лед. (Это, кстати, побочный эффект моей работы — у меня в голове куча беспорядочных фактов, которые я использую, когда мне заблагорассудится.)

Но в настоящий момент мне трудно думать об айсбергах или Йёкюльсаурлоуне, ледниковой лагуне в Исландии. Потому что сейчас Уильям Пеннингтон смотрит на лист, который держит в руках. И я ощущаю лишь всепоглощающий ужас, проходящий волной по моему позвоночнику.

Ужас, от которого волосы встают дыбом, а в голове пустеет.

Я не могу пошевелиться.

Меня уволят. Вот и все. Я, Саванна Кейд, потеряю работу из-за дурацкого, дурацкого листа бумаги.

Почему я в последний момент засомневалась в своей рукописи и притащила ее на работу?

Почему не отправила ее утром и не успокоилась?

Но, пока я в агонии жду, арктически-голубые глаза Уильяма смотрят на страницу так сосредоточенно, будто он не замечает ни меня, ни вопросительных взглядов всех остальных. Его лицо совершенно бесстрастно, если не считать небольшой морщинки между бровями. Он переходит от строки к строке, от слова к слову.

Напрягая все мышцы в теле, я протягиваю руку в немой просьбе вернуть мне лист.

Уильям игнорирует меня. И продолжает читать.

В помещении стоит гробовая тишина.

Все смотрят на нас.

Хотя куда им еще смотреть? Это ведь момент казни.

Сейчас покатится моя голова.

Боковым зрением я отмечаю, как Мэгги (восемь лет в «Пеннингтон Арч») глядит на меня огромными жалостливыми глазами, словно говоря: «Я никогда не забуду, как мы вместе ели тот йогурт».

Я не смогу этого вынести.

— Что происходит? — раздается хриплый голос миз Пеннингтон из другого конца помещения.

Это рассеивает чары, и Уильям Пеннингтон, моргнув, поднимает взгляд и впервые за все время внимательно смотрит на меня. Мое лицо, как и у всех хороших южных девушек, умеет реагировать на прямой зрительный контакт исключительно улыбкой, и, к своему ужасу, я чувствую, что губы начинают растягиваться в стороны.

«Перестаньте», — мысленно приказываю им я. Они останавливаются на полпути и с невероятным усилием возвращаются в первоначальное положение.

Прекрасно. Теперь я еще и на сумасшедшую похожа.

Уильям снова моргает с неизменным выражением лица.

Решающий момент. Именно он, без преувеличения, определит мое будущее в этой компании. Потому что миз Пеннингтон не просто не нравятся коммерческие книги. Она их *ненавидит*. А любовные романы, по ее мнению, — низшая форма такой

литературы. Она говорит, что их читают вслух в последнем круге ада Данте. Они сродни розовому шампанскому «Москато», девушкам в огромных шарфах с тыквенными латте и музыке кантри.

А я сейчас стою с «литературным кудзу¹» в руках.

Со слабой, нерешительной улыбкой перед ее сыном-деспотом, незнакомцем из большого города, которого позвали сюда махать топором.

Можно уже начинать думать о том, как я буду собирать вещи.

Уильям протягивает мне лист, сохраняя все то же непроницаемое выражение лица.

Я беру его.

— А. Спасибо.

Секунду мы молчим.

— Ничего, — наконец отвечает он матери и поворачивается на каблуках. — Бумажка упала на пол. Итак, — удаляясь по проходу, он снова повышает голос до позиции начальника, — как я уже говорил...

Я наблюдаю за тем, как Уильям Пеннингтон широкими шагами возвращается в другой конец помещения, холодным властным тоном продолжая предсказывать катастрофические финансовые потери и трагедии, которые нас ожидают, если мы не постараемся как следует. Я прокрадываюсь обратно

¹ Растение-сорняк, также известное как пуэзария дольчатая. Во влажных субтропиках образует непроходимые джунгли.

к Лайле и через несколько секунд опускаю взгляд на лист, который только что был у Уильяма в руках.

В этот же момент всякая надежда на то, что он не опознал жанр рукописи, идет прахом.

Я скольжу глазами по заголовку, напечатанному в центре страницы шрифтом *Times Roman*: «РАБОЧЕЕ НАЗВАНИЕ: “ТОМЛЮСЬ ПО ТЕБЕ”». А в правом верхнем углу курсивом написано: *Холли Рэй*.

Инстинктивно сжав челюсти, я читаю абзац, напечатанный ниже: «Время замерло, когда он положил руку ей на плечо, а затем обхватил ее за шею. Они стояли под кленом, слушая шепот проезжающих мимо машин...»

Нет никаких сомнений.

Уильям Пеннингтон все понял.

Глава 2

— Да ничего он не понял.

Я иду по коридору, пошатываясь на каблуках и впервые в жизни опережая Лайлу. Мы поднимаемся на один пролет и оказываемся на втором этаже, где тоже лежит плюшевый ковер, только темно-синий, а на обоях мужчины в шляпах, подталкивающие дам на качелях, чередуются с девушками, кружащими в танце под какую-то наверняка заводную мелодию.

Я сворачиваю за угол.

— Всего одна страница... — говорит Лайла.

— Одной страницы достаточно, — перебиваю я.

— Он едва на нее взглянул. К тому же мы работаем в издательстве, и каждая вторая страница в этом здании из какой-нибудь рукописи. — Лайла сверлит меня взглядом. — Перестань, Сав. Ты даже не засветила свое настоящее имя. Ты использовала псевдоним по назначе...

— Проблема в другом, — не сбавляя темпа, говорю я. — В том, что он прочел достаточно, чтобы понять, что этот материал

не для «Пеннингтона». Он понял, что это любовный роман. — Я перехожу на многозначительный шепот: — Любовный роман.

Наверняка именно так себя чувствуют преступники. На моей репутации нет ни единого пятнышка — прямо как на кедрах, которые в нижнем ящике стола дожидаются пяти часов вечера. Я никогда не прогуливала уроки. Никогда не списывала. А сейчас я утаиваю... роман? И не простой, а любовный? Который я не просто читала, но и сама написала, да еще и редактировала в рабочее время?

Если бы лист подняла миз Пеннингтон, то все было бы кончено.

Меня бы выставили за дверь, на прощание швырнув в голову «Средневековые лимерики для влюбленных» и «Практическое руководство по домашним растениям».

Мне нужно найти безопасное место, сейчас же.

Мы проходим одну дверь за другой. Далеко внизу слышится гул голосов медленно выходящих на улицу людей. У всех дела — забрать автора из аэропорта или отеля, отправиться в конференц-центр для подготовки.

А в этом коридоре непривычно тихо.

Я шагаю со скоростью двадцать пять километров в час и легко дала бы фору любому олимпийскому чемпиону по спортивной ходьбе, когда Лайла вдруг дергает за лямку сумки, висящей у меня на плече. Мои каблукы вязнут в ковре.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь, прикрывая сумку рукой.

— Та-а-а-ак, дорогуша, — произносит Лайла, — я тебя услышала. Ты не хочешь потерять работу у своих деспотичных господ. Понимаю. Но если ты намерена ее сохранить, то тебе придется следовать указаниям. И сейчас это означает идти на улицу.

— Сначала мне нужно где-то это спрятать, — говорю я и, услышав скрип, смотрю сначала Лайле за спину, потом оглядываюсь назад. — Если я избавлюсь от улики и буду вести себя как ни в чем не бывало, возможно, он забудет о том, что увидел. Или я смогу убедить его, что он не видел то, что увидел.

Лайла вскидывает бровь.

— Так... ты хочешь... газлайтить¹... своего нового босса? Ты себя вообще слышишь?

Я все понимаю по ее глазам. Я знаю. Знаю, что выгляжу как сумасшедшая. Но так на моем месте выглядела бы любая, если бы последние три года каждую свободную минуту разговаривала с воображаемыми персонажами в голове, жила историей, которую сама сочинила, и не спала черт знает сколько ночей, переноса ее на бумагу.

Редактор в «Пеннингтоне» — это моя работа. Писательница — моя мечта, сокровенная мечта.

И я рискую потерять и то и другое, если моя рукопись падет в руки Уильяма.

¹ Заставлять кого-то сомневаться в адекватности своего восприятия реальности, в том числе отрицая или обесценивая произошедшие факты.

Лайла моргает, и ее угольно-черные ресницы опускаются, а затем снова поднимаются к бровям. Похоже, ей потребовалась вся сила воли, чтобы не закатить глаза.

— Ладно. Просто засунь ее к себе в стол — и пойдем. Хорошо? — Она указывает рукой на коридор, будто Ванна Уайт¹, которая демонстрирует яхту за сверкающей шторой. — Пока нас и впрямь не уволили. Ты же слышала нового босса. Мы должны пойти в вестибюль, чтобы поприветствовать ново-прибывших.

— Да, но... — Я убираю с лямки ее руку и отхожу по-дальше. — Я... забыла взять книгу, которую у меня попросил Освальд. Он спрашивал, могу ли я раздобыть для него сигнальный экземпляр февральской новинки Дженни...

— «Расцвет во время менопаузы»? — спрашивает Лайла. — Зачем старику Осси экземпляр «Расцвета во время менопаузы»?

Но прежде, чем она успевает сказать что-либо еще, я разворачиваюсь и бегу в противоположный конец коридора.

— Ты хотя бы вернешь мне сумку?

— Три минуты! — бросаю я через плечо и скрываюсь за углом.

Увеличивая расстояние между мной и Лайлой, я чувствую себя так, будто нахожусь на «Титанике» в последние моменты перед погружением. Обычно в коридорах гудят людские

¹ Ведущая шоу «Колесо фортуны», американского прототипа передачи «Поле чудес».